

Очаг и хребет закрытого города

В Москве побывал Театр оперетты, основанный по личному указанию Берии

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

История знает массу примеров, когда тираны и деспоты не могли отказать себе в удовольствии покровительствовать какому-нибудь из искусств или, на худой конец, просто красавицам примадоннам. Вот и Лаврентий Берия имел маленькую слабость — любил оперетту. И распорядился открыть музыкальный театр чуть ли не на территории комбината по производству обогащенного урана. Так и получился житейский казус: сначала театр, а уж только пару лет спустя город его прописки — Свердловск-44, который теперь называется Новоуральском. Вроде бы без всякого намека на секретность, но это обман зрения. Город по-прежнему является центром атомной промышленности, и для того чтобы увидеть Театр оперетты Урала у него дома, надо пройти проверку на благонадежность. Однако во всем этом есть свой плюс. По меркам российской глубинки театр живет очень богато — его субсидирует не только бедный Минкульт, но и состоятельный Минатом.

Театру в этом году полтинник стукнул, а гипнотическое влияние «большого» родителя в его жизненной стилистике чувствуется вполне ощутимо до сих пор. Главный театр Владимир Бородин, открывая гастроли долгим монологом с грамотами и благодарностями, определил Театр оперетты Урала как «хребет культуры» (это, наверное, про смачные диалоги субреток и простаков) и «очаг духовности» (а это уже точно о канкане), а московский визит называл не иначе, как «отчет перед столичной публикой по случаю юбилея». К слову сказать, такой отчет обошелся уральцам в два миллиона рублей.

Столь масштабного выступления провинциального театра Москва не видела со времен падения в стране режима развитого социализма. За десять дней новоуральцы показали на сцене столичного Молодежного театра семь репертурных названий: «Сильва» и «Баллера» — из европейской классики, хит советской оперетты — «Селастопольский балет», легендарная «Ханума», а также три современных опуса — «Собака на сене» Жур-

Елена Соколова (Сильва) и Василий Овчаров (Эдвин).

бина, «Женитьба гусара» Гладкова и «Фаворит» Самойлова, — откровенно слабых по музыкальному материалу.

Но, несмотря на такое номинальное разнообразие, спектакли безумно похожи друг на друга.

Сложная, конечно, задача в закрытом городе с населением менее ста тысяч каждый вечер завлечь публику, чтобы зал на шестьсот мест был полон. Видимо, поэтому даже шедевры жанра здесь проходят безжалостную операцию по сближению с народными мас-

сами. Либретто перекраиваются и переписываются подчистую, насыщаясь бородатymi шутками, большинство из которых Москва встречала гробовой тишиной. Это только в Новоуральске бесконечные спрыгивания героев со сцены и разыгрывание мизансцен в зале кажутся новым режиссерским приемом. В Москве просто-напросто три четверти зала физически не в состоянии разглядеть эти новаторства, и публика начинает недовольно шикать или просто громко, наравне с артистами, за-

ниматься своими делами. Да и полубожаженный Эдвин и Сильва в пеньюаре на фоне распахнутой постели не выглядят свидетельством режиссерского пионерства. Хотя до сих пор у Кальмана они любили друг друга только целомудренно.

Герои всех представлений разодеты в блестящие туалеты с таким воинствующе пестрым «покушением на моду», что даже в глазах рябит. К тому же дамские костюмы настолько неудобны, что ни одна из героинь так толком и не станцевала. Хотя примадонна водила шлейф своего платья на поводке, она, бедная, все равно постоянно путалась в нем и сама о себя спотыкалась.

Вообще найти в уральских спектаклях яркие актерские работы было почти невозможно. В этой ипостаси восхищали лишь «старички» театра во главе с Ириадой Ляхачевой-Куниной, чей профессионализм свидетельствовал о некогда славной истории театра. Молодежь же совсем не баловала публику актерским мастерством. А с музыкой (музыкальный руководитель театра — Владимир Янковский) вообще приключилась настоящая катастрофа. Никто не слышал оркестра, хор и внутри себя распознал в разные стороны, как встревоженный муравейник. А любимой примадонне театра — Елене Соколовой, равно как и миловидной темпераментной субретке Любови Мурзиной, даже несмотря на стихийно возникающую подзвучку, так и не подчинилась ни одна нота. Только премьер Василий Овчаров, может быть, и не добирал по части героического обаяния, но очаровывал красотой своего голоса и радовал согласием с нотным текстом.

Жирной финальной точкой гастролей и самым большим испытанием для слуха оказался гала-концерт, куда были вписаны все амбиции уральской оперетты. Вместе с балетными плясками под трескучую фонограмму порой издавались нечеловеческие звуки, не поддающиеся вокальной классификации. Жаль было в основном молодых и «зеленых» артистов, вырвавшихся на свободу из запертого города и погнавшихся за количеством, которое в искусстве в качестве не переходит.